

Эмилия Галаган
УХОДЯЩИЕ
ИЗ ГОРОДА

Москва
Издательство АСТ
 АСТРЕЛЬ СПб

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Г35

Дизайн обложки: *Юлия Межова*
Иллюстрация на обложке: *Юлия Межова*

Галаган, Эмилия.
Г35 Уходящие из города: [роман] / Эмилия Галаган. —
Москва: Издательство АСТ, редакция «Астрель-СПб»,
2024. — 512 с. — (Люди, которые всегда со мной).

ISBN 978-5-17-157855-8

«Кто последний уедет из города — потушите свет на вокзале». Про ваш город так говорят? Вот и про Заводск тоже.

Людей становится меньше. Каждый уходит своим путем. Не прощаясь, так уж заведено. Один за другим...

А может, уже и вовсе никого не осталось, и однажды, выскочив за хлебом к ужину, ты не встретишь на улицах ни души — ни живой, ни мертвой.

С Балбесовки, где ветшают деревенские дома да зарастают бурьяном огороды, поднимется волна тоскливого собачьего воя. Ветер приоткрывает дверь заброшенного — сгорел еще в начале нулевых — магазинчика у дороги. Там раньше ночевали бомжи, но сейчас — никого...

А в овраге, за парком, всю ночь будут весело плясать огоньки.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-157855-8

© Галаган Эмилия, текст, 2024
© Межова Юлия, иллюстрация, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Эпиграф: «гражданины здесь не проживают,
и персоны тут не зарегистрированы» (с) мужик,
за которым пришли

ЧАСТЬ 1

ЧЕМУ НАУЧИЛА НАС ТРАГЕДИЯ У ШЕКСПИРА “РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА”?

Я думаю, что Ромео и Джульетта были не правы. Ромео разлюбил свою другую девушку, и Джульетту он так же разлюбил бы со временем. А так он умер, и все. В жизни у каждого может быть не одна любовь, не стоит из-за этого умирать. Выдавать девушек силой замуж в 14 лет — это тупость.

Сергей Г.

Мне жалко всех героев, но особенно мне понравился Меркуцио. Жаль, что его убили. Веселый парень, шутил, смеялся и погиб из-за ерунды. И девушки у него не было. Ромео и Джульетта любили друг друга, им было из-за чего умирать, а он просто умер. Такие, как этот Тибальд, все время только портят всем жизнь. Ромео правильно его убил, потому что надо останавливать борзых [зачеркнуто] наглых людей.

Влад Яковлев

Я думаю, что смысл трагедии «Ромео и Джульетта» в том, что однажды ты встречаешь человека, ради которого можешь даже умереть. Ты ничего не боишься, влезашь в чужой сад, куда-то там бежишь и что-то делаешь такое, чего вообще никогда бы не подумал, что сделаешь. Становишься смелым и не боишься даже смерти. Все люди рано или поздно умрут, не понимаю, почему все так держатся за жизнь? Тебя могут убить

на войне или грохнуть какие-нибудь бандиты [зачеркнуто] или собьет машина [зачеркнуто] а умереть из-за того, что тебя разлучают с тем, кого ты любишь, по моему [пропуск]

Я считаю, что «Ромео и Джульетта» — великое произведение о любви. В нем много настоящих чувств и есть отображение правды.

Андрей К.

Я думаю, что в том, что произошло с Ромео и Джульеттой, виноваты их родители — Монтекки и Капулетти. Они вели междоусобную войну по неизвестным причинам. Этот раздор длился много лет. Гибли люди. А влюбленные показали своим семьям, как ужасна вражда. Ценой своих жизней они примирили две враждующие семьи. Заставили всех людей задуматься о том, что любовь и добро главнее зла и ненависти, что надо прощать друг друга и жить в мире, а не вести постоянную войну. Очень жалко, что для того, чтоб люди что-то поняли, нужно, чтоб обязательно кто-то погиб.

Луиза Извозчикова

Человека можно полюбить, даже если его любить нельзя. Если даже тебе говорят, что он плохой, что он какой-то не такой, что тебе не стоит с ним общаться. Можно полюбить человека за одну секунду, потому что, как пишет Шекспир,

Ее сиянье факелы затмило.
 Она, подобно яркому бериллу
 В ушах арапки, чересчур светла
 Для мира безобразия и зла.

Когда видишь такого человека, то уже неважно, что он из враждебной семьи и что тебе запрещают его

любить. Я думаю, Шекспир хотел показать, что нельзя запрещать любить.

Лола Ш.

В гибели Ромео и Джульетты виноваты родители и их конфликт. Не надо было вести междоусобную войну.

Мать Джульетты ведет себя неправильно. Нельзя выдавать девушек замуж силой. Джульетта была бы несчастлива с Парисом, она его совсем не любит. А родителям все равно. Одна кормилица ее жалеет, как бабушка. [зачеркнуто]

Я думаю, что [зачеркнуто] Шекспир стремился показать, что [недописано]

Зато в их жизни была любовь, настоящее красивое чувство, а можно прожить сто лет и не любить никого, только есть и спать. Никому не нужна такая жизнь. Поэтому мне понравилась трагедия Шекспира «Ромео и Джульетта».

Олеся Скворцова

Полина нарисовала капустообразную розочку и написала:

Джульетта говорит, что роза пахнет розой, розой назови ее или нет. Вот вам роза от меня! Было бы интересно, если бы действительно можно было бы назвать розу другим именем — и она стала бы пахнуть по-другому. Типа называешь ее как-нибудь уруфка, и она пахнет как-то совсем-совсем необычно. Как ничто другое.

Мне очень жаль Ромео и Джульетту, их маму и папу и всех других людей из этой книги.

Олег списал абзац из учебника и сделал три ошибки.

СЛОВА

Полина знала, что ей придется уйти.

Совсем маленькой, только научившись говорить, она стала впускать в себя те другие слова — взрослые говорили: сочинять. Ей казалось, что те, другие слова просто появляются у нее в голове, там же, где живут слова прочие, выученные раньше, растут, как грибы у крыльца, беловато-коричневые, ломкие, со злым запахом.

Полина была уверена, что все должны понимать те другие слова, потому что она их понимает. Говорила:

— Мама, на тартуфке растет уруфка! (Под окнами, на клумбе, распустилась бледно-желтая роза; откуда там этот куст — неизвестно, уж точно не мать посадила: не до того ей.)

Мать спрашивала:

— Что? Не понимаю...

Полина говорила:

— Зыфрики играют! (Кузнечики стрекочут.)

Мать возмущалась:

— Говори нормально!

Полине было обидно за те другие слова, и она плакала. А потом решила прятать их в себе до случая, знала: слова пригодятся. Да, часть их умрет в неволе, высохнет, как муха между оконными рамами, но какие-то все-таки сохранятся и потом, в нужный момент, прозвучат, пойдут неуверенно, как на слишком высоких каблуках, оглядываясь и смущаясь, туда, где их всегда ждали...

Первого папу, которого Полина запомнила, звали папа Саша. Потом были папа Коля и папа Андрей, а дальше уже на «папу» Полину не вынуждали: она выросла и понимала, что перед ней очередной отчим.

Папа Саша Полинку любил бодрой, неглубокой любовью, без примесей чего-то плохого (про плохое она знала: оно случится, если кто-то захочет заглянуть к тебе в трусики или если наступишь ногой на стык плит, которыми вымощена дорожка, или если ночью посмотришь в зеркало). Поля его тоже любила. Папа Саша любил читать газеты. У него были короткие, стриженные ежиком седые волосы, почти прозрачные глаза, которые он всегда щурил, как от солнца, и привычка держать между зубами спичку, перекатывая ее из одного уголка рта в другой. Дома папа Саша всегда ходил в белой майке и темно-синих штанах. По крайней мере, таким Поля его запомнила. Он ушел, когда ей было лет пять, так что она могла и перепутать. Именно папа Саша заметил, что его падчерица легко запоминает то, что ей говорят, слово в слово. Когда вся семья смотрела телевизор, особенно новости, Полина любила повторять все, что говорила диктор. Маму это злило, и она шикала на дочь, а папа Саша смеялся. Потом он стал разучивать с Полиной статьи из газет. Особенно ему нравилась криминальная хроника. Полина, водруженная на табуретку, вещала, как радио:

— Сегодня в девять часов вечера на улице Пролетарской было совершено разбойное нападение. Двое неизвестных напали на работника завода Гидроэлектропривод, пырнув его ножом в живот. Пострадавший скончался на месте от большой кровопотери. Представители правоохра-

нительных органов утверждают, что подобные преступления стали не редкостью для этого района, и подчеркнули, что ими будут приняты решительные меры для урегулирования ситуации...

Полина тарабанила текст легко и свободно, а папа Саша с мамой хватались за животы от хохота.

— Ой... ой, не могу! Во дает! Как там? Представители правоохранителей? Я-то сам еле выговорю, а она так и чешет, так и чешет! А я ведь всего два раза ей это вслух прочитал!

— Вот дает девка! И в кого, скажи? Вроде папашка ее был дурак дураком, да и я еле школу окончила... Полька, а Полька, ты в кого такая? Может, в роддоме подменили тебя? — смеялась мама. — Да нет, вроде моя порода: нос наш точно... и улыбка наша!

Поля смеялась вместе с мамой, тем же самым смехом, только в детской версии. Поля была вся их — мамина и пап Сашина, никто ее не подменял.

После того как папа Саша ушел, криминальную хронику Полина больше не читала. Папа Коля был скучный и Полину вообще не замечал. К нему иногда приходили другие мужики, они вместе сидели и пили, а мама приносила им с кухни вареную картошку в большой эмалированной миске.

Когда мама родила Егорку, папа Коля исчез. Вначале они с мамой долго орали друг на друга, особенно по ночам, потому что Егорка много плакал, а папа Коля кричал, что ему рано вставать на работу. Мама кричала, что ей тоже вставать, а он вообще алкаш, так что молчал бы. А Егорка кричал, что у него болит живот, что ему неудобно лежать, что он не понимает, как так вышло, что он оказался здесь, ведь ему обещали что-то хорошее

и красивое — но тот, кто обещал, не отвечал, поэтому приходилось Поле. Она подходила к его кровати, смотрела на него сквозь прутья и говорила с ним, доставая из головы самые тайные слова, неслышные. А мама кричала:

— Польшка, не лезь хоть ты под руку, иди спать, бога ради! Тебе в сад скоро вставать!

Вставать Поле не нравилось ужасно, потому что было темно и все те злые, которых много в темноте, дразнились, подхихикивая: «Нет тебе снов, нет тебе слов». Полина старалась их не замечать, потому что обычных слов они не понимали, а тратить на них сокровища — жирно будет, как говорила мама, когда Поля тянулась вилкой за второй котлеткой. В садике ей нравилось. Она хотела играть со всеми — с детьми, с игрушками, с воспитательницей, с местным растрепанным и вечно недовольным домовым. Детям нравилось, что Поля умеет рассказывать всякое подслушанное — у посторонних и потусторонних. Дети ничего не понимали, но им казалось, будто они украли у взрослых что-то очень ценное, отбежали на безопасное расстояние и дразнятся, а взрослые никак не могут этого отобрать и только ругаются от досады. Больше всего Поле нравилось играть с Владом, которому нельзя было бегать. Они строили города из песка и рисовали карты волшебной страны.

— А как мы туда попадем? — спрашивал он.

— Просто будем идти и идти, — говорила Поля. — У тебя волшебная нога. Она приведет. А я буду с тобой за компанию!

Влад ничего не понимал, но, как и всякий человек, пусть и маленький, веровал в абсурдное, а потому готовился идти и идти, вперед и вперед.

Перед новогодним утренником Полина быстро выучила слова за всех, даже за воспитательницу, и так старательно суфлировала, что затмила собой даже Деда Мороза, которого играл дворник Михалыч. Но если в детском саду Поля блистала, то в школе ей пришлось сложнее: букв было слишком много, и они, в отличие от слов, оказались настроены недружелюбно, как городские дети-задаваки, которые не хотят играть с такими, как она, «с Балбесовки». Поле не нравилось, что буквы постоянно вертелись в разные стороны и не хотели смотреть друг на дружку. Например, эти две дурочки «б» и «в», которые почему-то стояли друг за другом («б» буравила взглядом затылок «в»), вместо того чтобы развернуться лицом к лицу и вместе сесть пить чай (тем более что вместо стола можно взять букву «т»).

Полина не любила писать, ее буквы выходили мятыми и звучать должны были как жеваная магнитофонная лента. Конечно, она все-таки научилась читать, писать и перебираться из класса в класс — благо память легко позволяла зазубривать даже то, чего она не понимала — правда, и забывала Полина легко и навсегда, как будто все прочитанное, как поезд на железнодорожной станции «Сортировочная», стояло у нее в голове каких-то две-три минуты, а потом уносилось вдаль, стуча колесами и гудя «ту-ту!».

Но не все можно вызубрить — существует еще и математика. Для того чтобы понять ее, нужно было открыть в голове заветную дверку, а Полина не могла этого сделать: тогда оттуда сбежали бы остатки тех других слов, запертых до особого случая. Так что с математикой у Полины не ладилось,

но это их обеих (и Полину, и математику) не слишком печалило (печалило разве что Кторию Санну, математичку, носившую химическую завивку, очки в толстой оправе и пушистые мохеровые свитера). У Влада, с которым Полина училась в одном классе и сидела за одной партой, с математикой дела обстояли не лучше, поэтому они с Полиной развлекались тем, что читали учебник по алгебре, заменяя все существительные словом «жопа», так что у них получалось: «Начертите жопу ABCD. Проведите жопу к жопе АВ», и они ухохатывались, утыкаясь лицами в парту. На литературе Полина всегда с выражением читала стихи, что очень нравилось Ольге Борисовне, их учительнице, высокой и худой даме в черном, из-за чрезмерной экспрессивности постоянно махавшей, как мельница, тонкими руками в узких рукавах.

Когда они в седьмом классе ставили отрывок из «Ромео и Джульетты», Борисовна даже выбора не оставила, сказав:

— Полина, ты Джульетта!

Полина спросила:

— А можно, Лола тоже кем-то будет?

Тогда Полина уже дружила с толстой Лолой Шараповой (к глубокому, очень глубокому разочарованию Влада, который ничем этого не показывал, предпочитая гордо страдать молча).

— Пусть будет кормилицей.

Влад хотел играть Ромео, но Ольга Борисовна воспротивилась:

— Мелковат. Джульетта на полголовы выше. — И назначила на роль Ромео Андрея Куйнашева. Наверное, потому что у него было вечно серьезное лицо, а Ромео предстояло умереть. Так

или иначе, текст он выучил, хотя читал безо всякого выражения, словно колотил палкой по пустым консервным банкам.

Все говорили, что Полина была такой милой Джульеттой, что хотелось плакать. И плакали, плакали все: и Ольга Борисовна, и Ктория Санна, и похмельный историк, и беспальный трудовик, и директор школы. Жаль только, что Полинина мама не пришла на спектакль, потому что возилась с маленькой Лизкой, очередной сестричкой, прижитой от очередного отчима. Но это ничего, Полина не обиделась. Она вообще никогда не обижалась, ни на кого.

Полина их всех ужасно любила.

«Милые, милые папа Саша, папа Коля, отчим, Егорка, Лизка, мама, Влад, Лола — и все-все. Мне так жаль, что пришлось уйти! Так бесконечно жаль! Но это было нужно. Я должна была вернуться туда, куда шла, и донести слова. Но мне так бесконечно жаль...»

И потом, когда незадолго до выпускного Полина пропала навсегда, — все тоже плакали...

МЫ ИЩЕМ ТЕБЯ

Вечера, когда отключали электричество, запомнились Андрею острее всего; тогда, в девяностые, в Заводске это часто случалось. Людям будто давали понять, что света в мире не так много, как хотелось бы, и приучали выживать во тьме. И ее, тьму, приучали к людям, к этой странной добыче, одновременно пугливой и дерзкой. Тьма неуверенно трогала их медвежьей лапой, пока не

зная, съедобны ли: вон болтают чудно и смешно ручками-ножками машут.

Главным источником света для Андрея была мама.

Со свечами не ладилось: мама, даже если покупала их, в нужный момент не могла найти, не помнила, куда положила, и металась по квартире в темноте, натываясь на все подряд, пока не отчаивалась. И потом: найдешь свечи — ищи спички, которые тоже, как назло, куда-то пропали...

После бесплодных поисков мама садилась к Андрею на кровать, обнимала его и начинала рассказывать. У нее был дар говорить как по писаному, легко сочинять истории, выдохнуть их как воздух. А еще она читала стихи и умела петь. У нее была гитара, и хотя в темноте играть у мамы получалось плохо (да и при свете тоже), она все равно пела песни про походы, лес, елки, лыжи и всякое такое. Отец тоже любил послушать, как мама поет, и подпевал, мимо нот, как будто пытался пьяным надеть пиджак и не мог попасть в рукав. От его пения мама смеялась, и ее смех был похож на елочную гирлянду, мерцающую разноцветными лампочками.

Андрей чувствовал себя таким счастливым, что пусть бы света вообще не было больше никогда. Хотя без света не работал телик, а телик Андрей любил, особенно фильмы про приключения.

Однажды, когда они втроем так тихонько светились в темноте, к ним в дверь постучали. Мама сказала папе:

— Дима, не надо!

Ее круглые очки тревожно блеснули стеклами.

Но папа все равно пошел открывать. Не мог поступить иначе: он же мужчина. Если что, он